

О.А. Соболевская

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ИУДЕЙСКО-ХРИСТИАНСКИХ КОНТАКТОВ В БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1915 гг.)

В статье рассматриваются особенности положения еврейского населения Беларуси, в 1914 – 1915 годах оказавшегося на прифронтовых территориях. Выявляются обусловленные антиеврейскими стереотипами мотивы и результаты действий военных властей по отношению к данной группе населения: ограничения перемещений, обвинения в шпионаже, реквизиции, принудительные миграции. Доказывается, что в обстоятельствах военного кризиса еврейское население оказалось в более сложных условиях, чем представители других этно-конфессиональных групп.

Первая мировая война для Запада – зримая грань между двумя историческими периодами. Это момент перехода от рационализма, основанного на идее прогресса и технократического рая, к иррационализму, с его страхом перед обществом отчуждения и индивидуализмом. 10 – 20-е гг. XX века – время, когда создавались и рушились государства, шёл процесс становления национальных идеологий. Это шпенглеровский «закат Европы», эпоха катаклизмов, в вихре которых оказался еврейский народ. Наша **цель** – изучение иудейско-христианских взаимоотношений в Беларуси в 1914 – 1915 гг. *Источниками* стали еврейская печать, акты Национального исторического архива РБ, Государственного архива РФ и Государственного военно-исторического архива РФ.

Тема имеет некоторую *историографию*. В фокусе внимания Ф. Шустера в основном находится положение галицийских евреев [1], [2]. Погромы 1914 – 1915 гг. описаны Л. Гринбергом и М. Альтшулером [3]. Отношение русского командования к евреям изучал П. Холквист [4]. Иудеи как часть населения прифронтовых районов упомянуты в обобщающих работах [5-7]. Тенденциозно освещено положение евреев у О.А. Платонова и В.Н. Черепицы [8], [9]. Отдельные вопросы, связанные с антисемитизмом начала XX века, были рассмотрены С. Гольдиным, Дж. Клиером, В. Мочаловой, С.А. Пивоварчиком [10]. Эти труды – важный шаг на пути изучения истории евреев в годы Первой мировой войны, но они не могли закрыть все «белые пятна», которыми богата та катастрофичная эпоха. Плохо изучены документы белорусских архивов, не написана история еврейских общин в 1914 – 1915 гг. Это определило наш исследовательский интерес.

Война выявила разобщённость еврейского мира России. Существенно варьировались оценки этого события. Начало войны вызвало взрыв патриотизма в кругах, настроенных на ассимиляцию. Под действием правительственной пропаганды евреи клялись в верности Родине на страницах прессы. Известность получила речь депутата Думы М.Н. Фридмана 26 июля (8 августа) 1914 г. С энтузиазмом евреи участвовали в демонстрациях в поддержку правительства. Общины открывали лазареты для раненых [11]. Сионисты предвидели, что в ходе войны могут произойти геополитические перемены, которые создадут возможность создания еврейского государства. Просвещённые круги евреев с высоким уровнем национального самосознания желали России, стране дискриминации и погромов, поражения. Разные оценки вылились в противоположные модели поведения – от организации приветствий царя и записи в добровольцы до дезертирства и антивоенной пропаганды [12].

Европеизированные евреи Запада, среди которых процесс модернизации прошёл ещё в XIX веке, рассматривали ситуацию через призму собственного мировоззрения. Они не видели зла в том, чтобы быть ассимилированными, равноправными, немецкого-

ворящими, став частью мирового культурного процесса. Германские евреи призывали российских восстать и ударить по тылам русской армии, помогая войскам Кайзера приблизить их эмансипацию. В августе 1914 г. в Берлине создали «Комитет по освобождению русских евреев» [3, с. 33]. Так они подтвердили опасения антисемитов о неоязычности евреев, что привело к насилию 1914 – 1915 гг.

Война показала, что стержнем политики Николая II остаётся антисемитизм. Как писал С. Гольдин: «Во взгляде правящей верхушки на евреев нарастает значение нового, расового компонента, который наслаивался на традиционный религиозный подход к евреям» [13, с. 29]. Официальное мнение одобряло патриотизм руководителей еврейских общин. Как отмечал министр внутренних дел: «В общем подъёме здоровых народных чувств и нужно искать силы для несения ответственной задачи по поддержке порядка. Доброжелательно нужно сохранять объединяющий население патриотический настрой и не отталкивать [народ – О.С.] от власти» [14, л. 2].

Военное командование было предубеждено в отношении евреев. В 1912 г. военное министерство составило анкету, которую заполняли 50 генералов. Как показал опрос, практически все были за то, чтобы удалить евреев если не из России, то по крайней мере из армии [15]. Когда обстановка на театре военных действий стала угрожающей, евреи оказались удобной мишенью для обвинений. Пустить в ход социальную мифологию, показав пальцем на «козлов отпущения», проще, чем проанализировать истинные причины поражений и постараться исправить ошибки.

Целый народ был обвинён в предательских настроениях и шпионаже. Они знали идиш, а потому могли общаться с немцами; носили бороды, потому что под ними, якобы, было удобно прятать телефонные аппараты; бесплатно делились с врагом секретными сведениями; поставляли продовольствие, скрываемое от русских войск. По приказу командующего X армией генерала Сиверса контрразведка и жандармерия искали доказательства существования беспроволочного телеграфа, световой сигнализации, голубиной почты, которой пользовались предатели-иудеи [16, л. 1]. Реквизиции оправдывал слух, что они прячут продовольствие, ожидая немцев.

«Германцы стремятся узнать количество русских войск в районе Ломжи, Гродно и Цехановца. Как у немцев, так и у австрийцев шпионством занимается очень много евреев. О еврейских шпионах германцы отзываются очень хорошо, а те, скорее всего, работают на два фронта» [17, л. 193], – делал вывод руководитель жандармского управления. В этой реляции мы находим полный набор качеств мифического «плохого еврея», который сформировался в представлении российских властей более чем за 100 лет: это ненадёжные, склонные к вероломству, жадные люди [18].

Первыми под подозрение в шпионаже попадали евреи, которые на начало войны или перед ней были на территории противника. Учитывая вековые экономические и семейные связи, моду на отдых и лечение на курортах Западной Европы, таких было немало. Шпионами они были названы дважды: сначала в Германии – как русские, а по прибытии на Родину – как немецкие лазутчики. В 20-х числах июля 1914 г. все евреи, российские подданные на германской территории, были арестованы. Для изоляции использовались большие огороженные пространства – городские сады, плацы крепостей, которые не были приготовлены для содержания пленных. Люди оказались под открытым небом, у них не было кроватей, навесов, элементарных гигиенических условий, пищи. Всё происходило летом, но быть ночью на воздухе полезно не всем, ведь это пациенты клиник и санаториев, большая часть – старики, женщины, дети.

Затем последовало перемещение в Россию на поезде в товарных вагонах, где евреев морили голодом, во время остановок запрещали выходить, а при движении – приближаться к окнам. «24 июля в Кенигсберге [еврейские семьи – О.С.] были задержаны, под конвоем загнали их за ограждение Замка, где они пробыли почти два дня под открытым небом и проливным дождём на голой мостовой, после чего погнали на

вокзал по середине улицы, которая после дождя была наполнена водой, солдаты угрожали повесить их или расстрелять. М.-А.Б. Гвирцман за то, что шёл тихим шагом, получил от солдата сильный удар прикладом. До Швеции они всё время голодали, нигде не давали им покупать еду» [14]. Немецкое население относилось к российским евреям враждебно, старалось запугать их перспективой скорой расправы. Как похоже это на то, что произойдёт в Европе через четверть столетия!

Пройдя ад возвращения в Россию, здесь евреи были встречены теми же обвинениями. Под особым подозрением были коммерсанты, чьи связи можно использовать для создания шпионской сети [17, л. 201]. Нелояльность евреев уже обоснована за почти полтора века пребывания их в статусе российских подданных, начиная с «Записки» Г.Р. Державина и заканчивая дискриминационными мерами 80-х гг. XIX века. На всякий случай стоит «евреев, которые возвращаются из враждебных государств, если они внушают подозрение в нелояльности, высылать [по этапу: пешком, с криминальными преступниками – О.С.] в Томскую губернию» [17, л. 241]. Для пожилых – это смертный приговор. Родные умоляли разрешить обвинённым прибыть на место «своим коштом», но им было отказано.

Принявшую характер истерии шпиономанию некоторые пытались использовать для сведения старых счётов, оговаривая арендаторов, шинкарей, ростовщиков, чтобы избежать возврата долгов. Прямых доказательств вины не было. Распространилась практика обращать внимание на репутацию человека. Если он считался «благонадёжным», был известен начальству, еврея оправдывали. Так было с представителем богатой гродненской семьи Лапиных, Аркадием, которого крестьяне объявили шпионом [14, л. 70]. Среди авторов наветов встречались евреи. Некий Хаим Левин «верноподданнически донёс» о мифической шайке виленских евреев, которые легализуют шпионов еврейского происхождения на немецкие деньги [19, л. 121].

Наконец масштаб принудительных миграций удручил тех, кто собственно, их и начал. 29 сентября 1915 г. гродненский губернатор приказал: «Согласно приказу главного руководителя обеспечения армий Северо-западного фронта, высылке с постоянного места жительства подлежат не все поголовно евреи, которые вернулись из враждебных государств, а только те, которые вызывают подозрения в политической благонадёжности» [20, л. 301].

Прифронтовые области жили по особым законам, введённым военной администрацией с объявлением западных губерний на военном положении указом от 20 июля 1914 г. Перевод экономики в военное русло ударил по бизнесменам. Транспорт стал обслуживать нужды фронта, была разорвана связь между поставками сырья и топлива. Из-за этого закрылись многие заводы. 21 августа 1914 по приказу главного руководителя Минского военного округа генерала Рауша запрещалась продажа спиртных напитков, включая вина и пиво в магазинах и на складах. В Гродно на пивоварне Р.Л. Андрусевича уничтожено 3400, А.Б. Яффе – 4415 вёдер пива [16, л. 14, 15]. Когда приблизился фронт, по приказу военных властей стали проводиться реквизиции продовольствия и фуража. Вывести их было невозможно, поэтому зерно и сено уничтожали, поливая керосином. Такая судьба постигла все товары гродненского купца О.М. Коссовского [20, л. 9]. Война стимулировала производство оружия и товаров для армии. Однако «нелояльные евреи» были удалены из этих сфер производства.

В мае 1915 как граждане, не заслуживающие доверия, евреи были выселены из прифронтовых районов Ковенской, части Гродненской и Сувалкской губерний. В условиях беженства евреям приходилось сложнее, чем другим этническим группам: миграция была принудительной, дорогу на восток преграждала черта оседлости. В органы власти приходили предложения о ликвидации этого пережитка. Виленская городская дума разработала в 1914 г. записку о ликвидации черты оседлости. Это мнение разделяли члены Саратовской и Смоленской городских дум [17, л. 1 об.].

Когда в начале 1915 г. в Витебске оказалось 6000 переселенцев из Ковенской, Гродненской, Минской и Могилёвской губерний, министерство внутренних дел позволило им переехать в уездные города за пределами Черты (Воронеж, Тамбов и Пензу). Когда они направились туда, оказалось, что эти местности уже наводнены 150-тысячной армией еврейских мигрантов [22]. Евреям пришлось разместиться в женских отделениях синагог Восточной Беларуси, холерных бараках, на вокзалах. Вот что происходило в Минске: «День за днём тянулись с вокзала дрожки, нагруженные детьми и вещами. На длинных фурах среди грязных узелков шевелились головки грязных, оборванных детей. За дрожками шли женщины с младенцами, старики. Это беженцы из Ковенской, Сувалкской и Гродненской губерний» [19]. Для некоторых эта скорбная дорога пролегла во второй раз. После контрнаступления Российской армии в район Принеманья многие вернулись домой, затем было наступление немцев и беженцы опять собрались в путь. Найти работу в городах Восточной Беларуси было невозможно: здесь и до войны царил безработица, а в тех губерниях Центральной России, куда разрешили двинуться беженцам, производство практически отсутствовало [20, л. 29].

В поездах, набитых людьми и вещами, евреи ехали на восток. Дорогу делали невыносимой издевательства железнодорожников. Людям запретили выходить на станциях, отказывали в оказании медицинской помощи, держали на солнцепёке в закрытых вагонах. Многие теряли сознание. Как оказалось, в Павловске не были готовы к приёму беженцев. В амбарах, куда их загнали, не было ванн, туалетов, кухонь, воды и котлов для приготовления еды [25, л. 56].

В августе 1915 евреям разрешили вернуться домой, но с условием предоставления заложников. Обычно ими становились раввины и представители богатых семей. Их казнили, если представители общин оказывались изменниками. Евреи прифронтовой полосы должны были дать клятву верности. Они на основании круговой поруки ручались друг за друга имуществом и жизнью, что не станут шпионить, а чтобы отлучиться из своего местечка, станут спрашивать разрешения. Войска, расквартированные в их домах, евреи должны были обеспечить всем необходимым, а также покоем и благополучием. Евреев обязали «ограждать войска от всяких покушений и внушать всем самое благожелательное к ним отношение» [26, л. 1]. Законы военного времени ограничивали свободу перемещения. 20 сентября 1915 г. командующий III армии запретил переезд евреев из одного местечка в другое за исключением беженства. Последовала угроза: «Населённый пункт, где будут обнаружены евреи, сношающиеся с противником, будет очищен. Евреи должны бороться с неблагонадёжным элементом, донося о неблагонадёжных» [23, л. 1, 2].

Командиры частей получали приказы не покупать у евреев конфеты вместо дефицитного сахара, потому что в них якобы содержатся вредные вещества [28, л. 24]. В революционной пропаганде были обвинены именно евреи, врачи и санитары. В связи с этим Управление начальника санитарной части 4 января 1915 г. запрещало принимать их в госпитали и санитарные поезда. «Отправляйте их туда, где обстановка не благоприятствует разговорам на вредные темы», – рекомендовали чиновники [29, л. 1]. Имелась в виду уборка трупов и оказание помощи раненым на передовой. Циркуляр от 27 декабря 1915 г. предостерегал военных строителей от найма евреев подрядчиками на строительство военных укреплений. Разрешалось приобретать материалы, но не назначать евреев служащими для предотвращения вредительства. 2 февраля командование запретило евреям служить телеграфистами, писарями, телефонистами и штабными, чтобы они не могли завладеть секретной информацией [28, л. 25, 27].

Тревога первых месяцев войны привела к воскрешению ритуальных обвинений. В Гродно в марте 1914 г. пропал мальчик Мартин из христианской семьи. По городу был пущен слух о том, что евреи украли малыша «на мацу». Указывали при этом на пекаря Залуцкого. Царило тревожное настроение, власти ожидали беспорядков. К счастью, всё закончилось благополучно, мальчик невредимым был найден в местечке Сопоцкин.

На этот раз грозу пронесло мимо еврейских домов [30]. Понимая, что национальная рознь приведёт к анархии, местная администрация опровергала слухи. Гомельский полицмейстер, опасаясь, что в городе может начаться погром, утверждал, что евреи не повинны в исчезновении мелкой монеты. Комендант гродненской крепости, желая предупредить «распространение опасного смущения», призывал «забыть счёты и сплотиться, чтобы дать отпор врагу» [31].

В условиях быстрого приближения фронта антиеврейская истерия возросла. На территории Беларуси появились случаи насилия. В августе 1915 г. в гродненский госпиталь была доставлена еврейка, обвинённая в том, что стреляла в русских солдат, выбивавших немцев из города. Женщина была ранена в грудь и обе руки и находилась без сознания. Когда она пришла в себя, еврейку удалось оправдать: она была ранена немцами, которые нашли её в подвале, когда искали «военную добычу» [32, л. 8]. Нередко евреи были уязвлены в патриотических чувствах. Вот как описывал очевидец события, связанные с приходом русской армии: «Когда начали приближаться русские войска, мы вышли навстречу с Торами, хлебом и солью. Мы совершили торжественную молитву за победу русского оружия, и начали приглашать солдат, чтобы накормить их. Вечером появились казаки, которые начали беспощадно нас грабить. У меня была драгоценная библиотека, от которой ничего не осталось. Книги разорвали и листки талмудических книг употребили для естественных надобностей» [33, л. 6].

На особую роль казаков в погромах 1914 – 1915 гг. указывал Дж. Клиер [34]. Он доказал, что причинами погромов были представления о евреях как нелояльных подданных; положение евреев как экономической диаспоры; идеологическая составляющая: они воспринимались как антигерои, от образа которых отталкивалась русская идеология в осознании себя. Это привело к жестоким действиям военных властей, исполнителями которых были казаки. «Увлекаясь», они пытались скрыть следы грабежей, призывая крестьян к насилию над евреями. Так рождался погром.

В поездах, забитых людьми и багажом, евреи следовали на восток. Дорогу делали ещё более невыносимой измывательства железнодорожных чинов. Беженцам запрещали выходить на станциях, отказывали в медицинской помощи, вагоны держали на солнце. На месте не были сделаны приготовления для приёма беженцев. Городовой запрещал им показываться даже во дворе чайной, где поместили переселенцев. В амбарах, куда их загнали, не было ванн, туалетов, кухонь, воды, даже котлов для приготовления еды. Как писал очевидец, несчастных воспринимали как военнопленных [35, л. 56].

Некоторые населённые пункты по несколько раз переходили из рук в руки, так что евреи имели случай сравнить поведение солдат обеих армий. Заняв город, немцы мародёрствовали в домах, оставленных жителями. В лавках завоеватели платили наличными или оставляли расписки за реквизированное. Немецкие оккупационные власти не испытывали особой симпатии по отношению к евреям. Отмечены случаи требования военными контрибуции с еврейского населения [35, л. 10]. Немцы вводили на оккупированной территории новый порядок, при котором еврейская автономия была существенно урезана. В 1915 – 1916 гг. была проведена легитимизация общин [36].

Грабежи продолжила русская армия. «В поисках хлеба, табака, телефонов, немцев и прочего обыскивали еврейские дома, погреба и лавки, что можно было положить в карман – клали, остальное портили». Нередко участие в этом принимали местные христиане. По наущению поляков в Щучине Ломжинской губернии были арестованы 10 евреев. Обвинения оказались ложными, евреев при этом отправили в ссылку. Некого Вернштейна арестовали то ли за то, что он угостил немца сигаретой, то ли, наоборот, был им угощён. Нескольких поляков арестовали за мародёрство [37, л. 14].

Пожертвования в пользу беженцев делали общины Петербурга и Москвы [38]. Коренные евреи Витебска предприняли строительство специального городка, в котором были бараки и столовая [39]. Частные лица тоже активно выступали в поддержку

беженцев. Минчанка Сара Френкель предложила еврейским женщинам в неделю экономить в пользу беженцев 5% денег, выдаваемых мужьями на хозяйство [40]. Объектами благотворительности для евреев становились не только единоверцы. «Berliner Tagesblatt» описывал в 1915 г. трогательную сцену. Через местечко бывшего Царства Польского проходил транспорт с русскими военнопленными. Узнав об этом, евреи спешно собирали хлеб, мясо, одежду. Некоторые явились, когда транспорт тронулся. Запахавшись, бежали они вслед и отдавали всё, чем могли поделиться [41].

Итак, в ходе войны еврейское население оказалось в более сложных условиях, чем другие этно-конфессиональные группы, поэтому кризис военных лет сказался на нём тяжелее. Эти условия определила правительственная политика и антисемитские установки военного руководства, подкреплённые негативными этническими стереотипами, распространёнными в народной среде. Поэтому еврейские массы люмпенизировались более быстрыми темпами и были вынуждены применять кризисные стратегии выживания (чёрный рынок, контрабанда, проституция, нищенство), среди истощённых беженцев стремительно распространялись эпидемии. Это усугубляло враждебность по отношению к евреям. Солдаты противоборствующих сторон – и германские, где евреи давно уже прошли процесс ассимиляции, и российские из внутренних губерний, куда не было доступа евреям – в ходе войны нашли в Беларуси «карикатурного еврея», которого видели на страницах антисемитской прессы. При попустительстве командования они стали действовать в отношении «еврейского эксплуататора» так, как она рекомендовала. Это имело катастрофические последствия для еврейской истории XX века. Она продолжилась волной погромов начала 20-х годов, что способствовало укреплению юдофобии в межвоенной Европе и сформировало питательную почву для Холокоста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schuster F.M. Zwischen allen Fronten. Osteuropäische Juden während des Ersten Weltkrieges (1914 – 1918) / F.M. Schuster. – Köln, 2004. – 536 s.
2. Greenberg L. The Struggle for Emancipation (two volumes in one) / L. Greenberg. – New Haven & London, 1965 – Vol. II. – 1965. – P. 94-103.
3. Altshuler M. Russia and her Jews – The Impact of the 1914 War / M. Altshuler // The Wiener Library Bulletin. – 1973/74. – № 30/31.
4. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа 1914 – 1921 в европейском контексте / П. Холквист // Россия и Первая мировая война : материалы международного научного colloquiuma. – СПб., 1999. – С. 83-101.
5. Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Беласток, 1999. – 365 с.
6. Трещенок Я.И. История Беларуси. Досоветский период / Я.И. Трещенок. – Могилёв, 2003. – 372 с.
7. Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1901 – 1939). Опыт беспристрастного исследования / В.В. Кожин. – М., 2001. – 512 с.
8. Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731 – 2000 / О.А. Платонов. – Москва : Русский вестник. – 426 с.
9. Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: Мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности / В.Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 536 с.
10. Мировой кризис 1914 – 1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / [отв. ред. О.В. Будницкий]. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. – 448 с.
11. Хроника // Евреи на войне. – 1915. – № 6.
12. Евреи и война // Рассвет. – 1914. – 14 ноября. – С. 20-24.
13. Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа / С. Гольдин // Мировой кризис 1914-1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / [отв. ред. О.В. Будницкий]. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. – С. 29-46.
14. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБГ). – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 91-91 об.
15. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 400. – Оп. 19. – Д. 37.
16. НИАБГ. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 2001.
17. НИАБГ. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 113.

18. Соболевская О. «Еврейский характер» глазами гродненских властей / О. Соболевская // Еврейське краєзнавство та колекціонування : збірник наукових праць / [ред. Л. Фінберг]. – Київ : Інститут юдаїки, 2005. – С. 149-161.
19. НИАБГ. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 108.
20. НИАБГ. – Ф. 117. – Оп. 1. – Д. 47.
21. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1998.
22. Беженцы // Евреи на войне. – 1915. – № 14.
23. Беженцы в Минске // Евреи на войне. – 1915. – № 2.
24. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1966.
25. ГАРФ. – Ф. 9538. – Оп. 1. – Д. 33.
26. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 2013.
27. ГАРФ. – Ф. 9538. – Оп. 1. – Д. 2014.
28. ГАРФ. – Ф. 9538. – Оп. 1. – Д. 2009.
29. ГАРФ. – Ф. 9538. – Оп. 1. – Д. 2012.
30. Антисемитизм // Рассвет. – 1914. – 21 марта. – С. 32-33.
31. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 2000.
32. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 2015.
33. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1994.
34. Клиер Дж. Казаки и погромы / Дж. Клиер // Мировой кризис 1914 – 1920 годов и судьба восточно-европейского еврейства / [отв. ред. О.В. Будницкий]. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. – С. 47-70.
35. ГАРФ. – Ф. 9538. – Оп. 1. – Д. 2001.
36. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 1.
37. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 2052.
38. Хроника // Евреи на войне. – 1915. – № 15.
39. Хроника // Евреи на войне. – 1915. – № 14.
40. К еврейским женщинам // Евреи на войне. – 1915. – № 6.
41. Борьба с ложью // Евреи на войне. – 1915. – № 1.

О.О. Соболевська

Проблеми іудейсько-християнських контактів у Білорусі в роки Першої світової війни (1914 – 1915 рр.)

У статті розглядаються особливості становища єврейського населення Білорусі, яке в 1914 – 1915 роках опинилося на прифронтових територіях. Виявляються обумовлені антисемітськими стереотипами мотиви і результати дії військової влади по відношенню до даної групи населення: обмеження переміщень, звинувачення в шпигунстві, реквізиції, примусові міграції. Доводиться, що в обставинах військової кризи єврейське населення опинилося в складніших умовах, ніж представники інших етно-конфесійних груп.

O.A. Sobolewska

The Problems of Judeo-Christian Contacts in Belarus during the Starting Years of the World War I (1914 – 1915)

The article examines the peculiarities of the condition of Jewish population in Belarus who occurred at the prefrontal area in 1914 – 1915. It aims at revealing the motives and outcomes of the military authorities' actions toward the given group of population based on anti-Jewish stereotypes: limitations in movement, accusation in espionage, requisition, forced migration. The author comes to the conclusion that, under the circumstances of a military crisis, the Jewish population occurred in a more complex condition than the representatives of other ethno-confessional groups.

Стаття поступила в редакцію 11.11.2009.